

На правах рукописи

Овчаренко Артем Владимирович (диакон)

Учение о красоте и его место в богословии свт. Василия Великого

Специальность: 5.11.1 Теоретическая теология
(по исследовательскому направлению: православие)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата теологии

Москва, 2025

Диссертация выполнена на кафедре библейско-богословских дисциплин Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования Русской Православной Церкви «Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия»

Научный руководитель:

Фокин Алексей Русланович

доктор философских наук, профессор кафедры библейско-богословских дисциплин Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования Русской Православной Церкви «Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия»

Официальные оппоненты:

Михайлов Петр Борисович

доктор теологии, кандидат философских наук, профессор кафедры систематического богословия и патрологии Образовательного частного учреждения высшего образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

Макаров Дмитрий Игоревич

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общих гуманитарных дисциплин Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского»

Ведущая организация:

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Защита состоится «15» октября 2025 г. в 14:00 на заседании объединенного диссертационного совета 99.2.096.03, созданного на базе ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования «Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» и Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования «Московская духовная академия Русской Церкви», по адресу: 115035, Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования «Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» по адресу: 115035, Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1 и на сайте: <https://www.doctorantura.ru/science/discouncils/joint-council/pages/ovcharenko-artem-vladimirovich-diakon>

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Учёный секретарь

Диссертационного совета 99.2.096.03

кандидат филологических наук

Перушин Михаил Викторович

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Актуальность исследования обусловлена важностью понятия красоты для современной культуры и его недостаточной разработанностью в православном богословии. Под красотой в настоящее время понимается преимущественно эстетический феномен, иными словами, нечто, что можно воспринять органами чувств.

Современная богословская дискуссия о красоте началась в 1960-е гг. благодаря Г. У. фон Бальтазару и продолжается по сей час в богословской эстетике (теоэстетике). Богословское рассмотрение темы красоты предпринималось в работах таких авторов как Г.У. фон Бальтазар¹, Г. ван дер Леув², К. Петер³, П. Евдокимов⁴, П. Шерри⁵, Р. Харрис⁶, Дж. Навоне⁷, Р. Вилладезо⁸, Л. Карфикова⁹, Б. Форте¹⁰, Д.Б. Харт¹¹, М. Бендер¹², Э.М. Радаелли¹³, Дж. Куччи¹⁴, Б.Т. Саммон¹⁵, К. Александер¹⁶, К.И. Луи¹⁷, О.Б. Давыдов¹⁸, а также на научных конференциях¹⁹. Нельзя не отметить

---

¹ Balthasar H.U., von. Herrlichkeit. Eine theologische Ästhetik. Bd. 1–3. Einsiedeln, 1961–1969.

² Leeuw, G. van der. Sacred and Profane Beauty. The Holy in Art. New York, 1963.

³ Peter, K. Die Lehre von der Schönheit nach Bonaventura. Werl, 1964.

⁴ Evdokimov, P. L'art de l'icône. Théologie de la beauté. Paris, 1970.

⁵ Sherry, P. Spirit and Beauty. An Introduction to Theological Aesthetics. Oxford, 1992.

⁶ Harries, R. Art and the Beauty of God. London, 1993.

⁷ Navone, J. Toward Theology of Beauty. Collegeville, 1996.

⁸ Viladesau, R. Theological Aesthetics : God in Imagination, Beauty and Art. Oxford, 1999; Id. The Beauty of the Cross. The Passion of Christ in Theology and the Arts, from the Catacombs to the Eve of the Renaissance. Oxford, 2006.

⁹ Karfiková, L. «De esse ad pulchrum esse». Schönheit in der Theologie Hugos von St. Viktor. Turnhout : Brepols, 1998.

¹⁰ Forte, B. La porta della bellezza. Per un'estetica teologica. Brescia, 1999.

¹¹ Hart, D.B. The Beauty of the Infinite : The Aesthetics of Christian Truth. Grand Rapids, 2003.

¹² Bender, M. The Dawn of the Invisible. The Reception of the Platonic Doctrine on Beauty in the Christian Middle Ages : Pseudo-Dionysius the Areopagite – Albert the Great – Thomas Aquinas – Nicholas of Cusa. Münster, 2010.

¹³ Radaelli, E.M. La bellezza che ci salva. La forza di Imago, il secondo nome dell'Unigenito di Dio, che, con Logos, può dar vita a una nuova civiltà, fondata sulla bellezza. Milano, 2011.

¹⁴ Cucci, G. Tracce del Divino. La bellezza via all'Assoluto. Milano, 2012.

¹⁵ Sammon, B.Th. The God Who Is Beauty : Beauty as a Divine Name in Thomas Aquinas and Dionysius the Areopagite. Princeton, 2013; Id. Called to Attraction : An Introduction to the Theology of Beauty. Eugene, 2017.

¹⁶ Alexander, K.B. Saving Beauty. A Theological Aesthetics of Nature. Minneapolis

¹⁷ Louie, K.Y. The Beauty of the Triune God : The Theological Aesthetics of Jonathan Edwards. Eugene, 2013.

¹⁸ Давыдов, О. Откровение Любви. Тринитарная истина бытия. М., 2020.

¹⁹ La Bellezza della Fede transfigura in bellezza la Vita. Atti del convegno in occasione dei venti anni dell'ISSR di Lecce. Lecce 9–11 dicembre 2010 / L. Manca (ed.). Lecce, 2013.

работы отечественных исследователей А.Ф. Лосева²⁰ и В.В. Бычкова²¹, которые, хотя номинально относились к академической эстетике, все же по существу разбираемых вопросов с полным основанием могут быть отнесены к отечественной богословской эстетике. Осмысление вопроса красоты с православных позиций, однако, на сегодняшний день осложнено недостатком изучения данных восточной греческой патристики в этой области. Диссертация призвана частично восполнить эту лакуну.

Вопрос о том, к какой дисциплинарной области относить настоящее исследование, требует разъяснений. Последние два с половиной столетия красота как проблема строго ассоциирована с эстетикой. К настоящему моменту в качестве отдельной области на стыке эстетики и богословия оформилась теозстетика, в рамках которой, действительно, предпринималось богословское рассмотрение проблемы красоты. С учетом этого общепринятого взгляда настоящее исследование, на первый взгляд, следует отнести к теозстетике. Вместе с тем такая атрибуция представляется автору ошибочной.

Дело в том, что как в эстетике, так и в теозстетике центральным является понятие эстетической красоты²². Греческая патристика, однако, при осмыслении красоты, хотя и учитывала эстетические феномены, все же главный акцент делала на сверхчувственном ее смысле. Понятие красоты у

---

²⁰ См. многотомное историко-философское исследование, капитальное как по историческому охвату источников, так и по разбираемым проблемам, под общим заголовком «История античной эстетики», в частности: Лосев, А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М. : Высшая шк., 1963; Его же. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М. : Искусство, 1969; Его же. История античной эстетики. Высокая классика. М. : Искусство, 1974; Его же. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М. : Искусство, 1975; Его же. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М. : Искусство, 1979; Его же. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М. : Искусство, 1980; Его же. История античной эстетики. Последние века. Кн. 1–2. М. : Искусство, 1988; Его же. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1–2. М. : Искусство, 2000. Также стоит отметить его труд: Его же. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. М. : Мысль, 1998.

²¹ Бычков В.В. Эстетика поздней античности, II–III века. М. : Наука, 1981; Его же. Малая история византийской эстетики. Киев : Путь к истине, 1991; Его же. Символическая эстетика Дионисия Ареопагита. М. : ИФРАН, 2015; Его же. AESTHETICA PATRUM. Эстетика Отцов Церкви. I. Апологеты. Блаженный Августин. М. : Ладомир, 1995.

²² См. определение богословской эстетики как дисциплины, которая «занимается вопросами о Боге и проблемами богословия в свете и посредством чувственного познания (ощущения, чувства, воображения) через красоту и искусство» (Theological Aesthetics : A Reader / By G. E. Thiessen. Grand Rapids; Cambridge : Eerdmans, 2004. P. 1).

греческих Отцов связывалось с непосредственным переживанием единения с Богом, Богообщением, проще говоря, понималось не эстетически, а догматически, мистически и литургически. Настоящее исследование посвящено богословскому, аскетическому и мистическому учению о красоте в сочинениях свт. Василия Великого, который оказал значительное влияние на последующую традицию греческой патристики в этом вопросе. Тема эстетики представлена в исследовании как одна из второстепенных, поскольку для самого свт. Василия красота – прежде всего Сам Бог, открывающийся человеку в Своих энергиях, познаваемый им в непосредственном опыте, тогда как эстетические феномены прекрасного важны лишь постольку, поскольку к этому возводят²³. Именно догматическое понятие Божественной красоты является центральным в осмыслении Великим Каппадокийцем красоты в целом, тогда как все прочие понятия красоты он так или иначе координирует с ним. С учетом этого обстоятельства настоящее исследование наиболее правильно отнести к области догматического (систематического) богословия²⁴. Красота рассматривается как богословское понятие, понимаемое прежде всего догматически, затем мистически, аскетически и лишь после этого – эстетически.

Степень разработанности темы исследования. Работы, внесшие вклад в разработку вопроса, которому посвящена настоящая диссертация, следует разбить на три категории.

1. Работы, посвященные вопросу красоты у свт. Василия Великого. К сегодняшнему моменту имеется всего лишь несколько работ, где затрагивается вопрос красоты конкретно в мысли свт. Василия²⁵. То

---

²³ Литургические аспекты учения о красоте (в богослужении, иконографии, архитектуре) не включены в данное исследование отчасти из исторических соображений (основной автор, свт. Василий, принадлежит к IV в.), отчасти из-за необходимости избежать чрезмерного расрастания исследования.

²⁴ Ввиду того, что учение Великого Каппадокийца о красоте имеет универсальный мировоззренческий характер, затрагивает многообразные области его мысли, данное исследование, хотя и раскрывает преимущественно положения догматического и нравственно-аскетического учения свт. Василия, но косвенно также затрагивает другие аспекты патристического учения о красоте, которые могут быть актуальны в наши дни для пересмотра места категории красоты в православном догматическом богословии.

²⁵ В огромной библиографии по свт. Василию, собранной Дж. П. Федвиком, отсутствуют работы, посвященные вопросу красоты. См.: *Bibliotheca Basiliana universalis. A Study of the Manuscript Tradition*,

обстоятельство, что начиная с эпохи Просвещения вопрос красоты находился в ведении эстетики, задало фокус рассмотрения вопроса в первых работах. Когда обращались к Великому Каппадокийцу с намерением реконструировать понятие красоты, под последней понимали эстетическое понятие красоты, т. е. атрибут чувственно воспринимаемых предметов или явлений.

И. Куртонн в монографии, посвященной рассмотрению античных философских концепций в «Беседах на Шестоднев»²⁶, красоте уделяет главу. К вопросу он подходит как к специфически античной теме, которую фрагментарно перенимает Великий Каппадокиец. Фокус своего внимания исследователь направляет сосредотачивает на эстетическом понятии красоты. У святителя он обнаруживает лишь отголоски концепций стоиков и Плотина²⁷. Сопоставляя святителя с Плотинином, он делает вывод: «Тогда как Плотин создает единую, законченную концепцию (*une idée unique, complète*) красоты, подробное изложение которой образует настоящую систему, Василий по этому же вопросу имеет представления (*des idées*) только фрагментарные и поверхностные (*superficielles*)»²⁸. Наряду с этим, однако, он обнаруживает в «Беседах на Шестоднев» понятие красоты, которое, с одной стороны, относится к эстетике, поскольку имеется в виду воспринимаемое органами чувств свойство мира, но с другой стороны, в рамки эстетики не укладывается, поскольку имеется в виду, что субъектом созерцания является Творец. И. Куртонн называет эту концепцию свт. Василия «Божественный смысл красоты»²⁹ и приходит к выводу, что под последним понимается телеология: прекрасно то, что соответствует конечным целям Творца относительно мира. Характерно, что при внимании исследователя к эстетической красоте в

Translations and Editions of the Works of Basil of Caesarea. V. Studies of Basil of Caesarea and His World : An Annotated Bio-Bibliography / By P.J. Fedwick. Turnhout : Brepols Publishers, 2004.

²⁶ Courtonne, Y. Saint Basile et l'hellénisme : Étude sur la rencontre de la pensée chrétienne avec la sagesse antique dans l'Hexaéméron de Basile le Grand. Paris : Didot, 1934.

²⁷ Ibid. 152.

²⁸ Ibidem. Пер. авт.

²⁹ По-французски: «le sens divine de beauté» (Ibid. P. 133–134).

«Беседах на Шестоднев» он обходит молчанием случаи, где понятие красоты соотнесено с Богом или с Церковью.

Вопроса красоты у свт. Василия вскользь коснулся М. А. Орфанос. Он также остановился только на эстетическом понятии красоты – чувственно воспринимаемой красоте творения и пришел к схожим выводам, что и И. Куртонн: красота понимается святителем в телеологическом смысле³⁰.

В 1991 г. В. В. Бычков в обзоре византийской эстетики отметил наличие у свт. Василия и других Каппадокийцев представлений о Божественной красоте³¹. Он далее основное внимание уделил эстетической проблематике, в частности, экзегетическим образам и пр. Тем не менее, он первым обратил внимание на наличие у свт. Василия понятия сверхчувственной красоты Бога.

В начале нулевых вопросу красоты у свт. Василия посвятил монографию Д. Ангелис, которая на сегодняшний день остается единственным специальным исследованием по вопросу. В работе «Византийская эстетика: Понятие красоты у св. Василия Великого»³² он также приступил к рассмотрению с эстетических позиций. Это выражается в неявно принимаемых им методологических установках³³. Однако автор при рассмотрении красоты эстетического предмета у свт. Василия значительное внимание уделил аскетическим и богословским аспектам. В частности, он заявил, что у святителя красота не мыслится «вне теоцентрической перспективы»³⁴. Он вслед за другими учеными отметил, что красоту эстетического предмета святитель понимает в телеологическом смысле³⁵.

---

³⁰ Orphanos, M.A. Creation and Salvation according to St. Basil of Caesarea. Athens, 1975. P. 60–62.

³¹ Работа была опубликована в 1991 г.: Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. Киев : Путь к истине, 1991. Ссылка дается по переизданию этого исследования в собрании работ автора, см.: Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica. В 2-х тт. Т. 1. Раннее христианство. Византия. М. СПб. : Университетская книга, 1999. С. 290.

³² Αγγελής, Δ. Αισθητική Βυζαντινή : Η έννοια του κάλλους στον Μέγα Βασίλειο. Αθήνα : Οι εκδόσεις των φίλων, 2004.

³³ В частности, фокус рассмотрения темы красоты автор связывает с чувственным опытом (Ibid. Σελ. 15), при рассуждении о прекрасном он подразумевает чувственно воспринимаемый эстетический объект (Ibid. Σελ. 32, 45–46), понятие красоты для него неразрывно связано с понятием искусства (Ibid. Σελ. 35).

³⁴ Ibid. Σελ. 32.

³⁵ Ibid. Σελ. 32.

Эстетическое созерцание формы он связал с этическим выводом³⁶: «Эстетическое суждение осуществляется одновременно с этической или, скорее, онтологической оценкой, связанной с правильным или неправильным использованием объекта по отношению к “благой” цели его создания»³⁷. Для него характерно убеждение, что истинное искусство должно возводить к Богу³⁸. В последней главе, которая называется «Красота и благо», автор обратился к разбору аскетической и богословской проблематики. В частности, он отметил, что у свт. Василия тема красоты связана с аскетическим призывом к человеку стяжать внутреннюю красоту, т. е. стать святым³⁹. Он впервые обратил внимание, что красота у свт. Василия соотносится с темой блага⁴⁰. Также он пришел к выводу богословского характера, что эстетическая красота предмета понимается свт. Василием как тот логос, который заложен в предмет Творцом⁴¹. Таким образом, несмотря на эстетический подход Д. Ангелис также приходит к богословской и нравственно-аскетической проблематике.

А. Карахан выпустила обширную статью «Красота в очах Божиих: Византийская эстетика и Василий Кесарийский»⁴². В ней было предложено посмотреть на святителя как на предтечу VII Вселенского Собора, идеи которого поспособствовали разработке иконопочитания. Ее предметом также явилась эстетическая красота предметов и явлений, а конкретнее – икон. Итоговый вывод этой работы по эстетике также был богословским: тему красоты Каппадокиец связывает с Боговоплощением и спасением⁴³.

В 10-е гг. вышли в свет две работы, хотя небольшие по объему, но в которых взгляд на вопрос красоты у свт. Василия уже не зависел от эстетики.

---

³⁶ Ibid. Σελ. 39.

³⁷ Ibid. Σελ. 45–46, пер. авт.

³⁸ Ibid. Σελ. 144.

³⁹ Ibid. Σελ. 178.

⁴⁰ Ibid. Σελ. 157.

⁴¹ Ibid. Σελ. 160.

⁴² Karahan, A. Beauty in the Eyes of God. Byzantine Aesthetics and Basil of Caesarea // Byzantion, 2012. Vol. 82 (2012). P. 165–212.

⁴³ Ibid. P. 212.

В статье А. Грюнерт⁴⁴ рассматриваемым предметом явилось все то же эстетическое понятие красоты, но в качестве методологического принципа была избрана не эстетика, а естественная теология. Исследовательница, справедливо отмечая, что античной естественной теологии был характерен взгляд на красоту мира как на то, что возводит созерцателя к Богу, продемонстрировала, что и Великий Каппадокиец вполне усваивает его себе.

Таким образом, большинство работ оставляло за рамками исследования догматическое и мистическое понимание свт. Василием красоты (хотя именно оно является для него ключевым), а вместо этого сосредотачивалось на эстетическом понятии (хотя последнее у него носит очевидно второстепенный и вспомогательный характер).

Единственной работой по вопросу красоты у свт. Василия, написанной с позиций систематического богословия, является краткий доклад православного священнослужителя из Финляндии иеродиакона Серафима (Сеппяли) «Функции красоты у св. Василия Великого»⁴⁵. Автор предложил посмотреть на красоту как на богословское средство, которое отличается многофункциональностью. Исследователь, в частности, отметил следующие функции: «богословская функция красоты: тринитарный динамизм»⁴⁶, «мистическая функция: красота как путь к Божественному»⁴⁷, «объединяющая функция: красота как общение»⁴⁸, «экологическая (environmental) функция: красота в природе»⁴⁹, «использование красоты в письмах св. Василия»⁵⁰. Эта работа, несмотря на краткость, в полной мере соответствует как предмету настоящей диссертации, так и осуществляемому в ней подходу с позиций богословия.

---

⁴⁴ Грюнерт, А. О трепете перед красотой мироздания (по свт. Василию Великому). [Электронный ресурс] : URL: <https://bogoslov.ru/article/6171267> (дата публикации: 26.11.2021; дата обращения: 30.01.2022).

⁴⁵ Serafim Seppälä. Functions of beauty in St. Basil the Great // The actuality of St. Basil the Great : conference lectures : texts from the conference The Actuality of St. Basil the Great in Turku 2010. Turku : Åbo Akademi, 2011. P. 235–256.

⁴⁶ Ibid. P. 238.

⁴⁷ Ibid. P. 242.

⁴⁸ Ibid. P. 244.

⁴⁹ Ibid. P. 247.

⁵⁰ Ibid. P. 253.

2. Работы по богословской эстетике, посвященные вопросу красоты у других авторов греческой патристики. В последние несколько десятков лет наблюдается возрастание научного интереса к богословскому учению о красоте в христианской мысли Средневековья, в частности, в греческой патристике. Интерес был спровоцирован работами Г. У. фон Бальтазара⁵¹. Католический теолог родом из Швейцарии написал многотомную трилогию, первая часть которой «Слава Господня: Богословская эстетика»⁵² посвящена богословскому рассмотрению вопросов, традиционно относящихся к эстетике. Свой труд автор сопроводил масштабным историко-богословским обзором, куда включил античных философов, латинских и греческих Отцов Церкви, схоластов, философов Нового времени, а также поэтов Античности, Средневековья и Нового времени. Из греческих Отцов он посвятил по главе сщмч. Иринею Лионскому⁵³ и Псевдо-Дионисию Ареопагиту⁵⁴. Хотя в начале первого тома «Славы Господней» автор называет красоту ключевой темой, которой посвящен этот труд⁵⁵, все же в своем обзоре он затронул много других эстетических тем, так что конкретно тема красоты не была в его фокусе при описании древних авторов. И все же своим монументальным трудом он обратил внимание многих читателей на наличие специфического христианского понимания как эстетики в целом, так и красоты в частности, отличного от понимания классической эстетики эпохи Просвещения. Немаловажным для понимания логики последующих исследований

---

⁵¹ См. подробнее о богословской эстетике Г. У. фон Бальтазара: *The Analogy of Beauty. The Theology of Hans Urs von Balthasar* / Ed. By J. Riches. Edinburg : T. & T. Clark Ltd., 1986; *Davies O. The Theological Aesthetics // The Cambridge Companion to Hans Urs Von Balthasar* / Ed. by E.T. Oakes and D. Moss. Cambridge : Cambridge University Press. 2004. P. 131–142. О богословской эстетике как интеллектуальном направлении на Западе после Г. У. фон Бальтазара см.: *Theological Aesthetics after von Balthasar* / Ed. by O.V. Vychkov and J. Fodor. Hampshire, Burlington : Ashgate, 2008. О рецепции этого направления в православном богословии : Гагинский А.М. Теоэстетика в контексте православного богословия // *Христианское чтение*. СПб., 2022. № 2. С. 182–197.

⁵² Balthasar, H.U., von. *Herrlichkeit. Eine theologische Ästhetik*. Bd. 1–3. Einsiedeln : Johannes-Verlag, 1961–1967.

⁵³ Бальтазар, Г.У. фон. *Слава Господа. Богословская эстетика*. Т. II : Сферы стилей. Ч. 1. Клерикальные стили. М. : Изд-во ББИ, 2020. С. 25–95.

⁵⁴ Там же. С. 151–222.

⁵⁵ Бальтазар, Г.У. фон. *Слава Господа. Богословская эстетика*. Т. I : Созерцание формы. М. : Издательство ББИ, 2019. С. 4.

патристики представляется то, что, описывая богословскую эстетику Ареопагита, он выделил отдельной темой «богословскую мистику»⁵⁶.

После Г. У. фон Бальтазара появилось множество исследований богословского понятия красоты в схоластике⁵⁷. Тем не менее некоторая доля исследовательского внимания была уделена и греческой патристике.

Православный богослов в эмиграции П. Евдокимов, писавший на французском, издал труд «Искусство иконы: богословие красоты»⁵⁸. Много внимания он уделил богословскому осмыслению искусства и иконы. В первой главе он, однако, обратился к теме красоты как богословской проблеме. Хотя книгу, по жанру напоминающую скорее эссе, отличает неисследовательский характер, все же в главе о красоте автор привел множество выдержек из греческих и латинских Отцов, демонстрируя, что тема красоты в христианстве имеет глубокие библейские и патристические корни.

В начале нулевых годов текущего столетия вышло в свет еще одно богословское эссе о красоте. В работе «Красота бесконечного: Эстетика христианской истины»⁵⁹ Д. Б. Харт одной из ключевых задач видел полемику с идеями постмодернизма. В одной из глав он широко опирался на свт. Григория Нисского. Он показал, что тот связывает с темой красоты учение о человеке как находящемся в непрерывном изменении и восхождении к Богу

---

⁵⁶ Бальтазар, Г.У. фон. Слава Господа. Богословская эстетика. Т. II : Сферы стилей. Ч. 1. Клерикальные стили. М. : Изд-во ББИ, 2020. С. 215–221.

⁵⁷ В частности, к настоящему моменту были исследованы: Гуго Сен-Викторский (Karfíková, L. «De esse ad pulchrum esse». Schönheit in der Theologie Hugos von St. Viktor. Turnhout : Brepols, 1998), Бонавентура (Бальтазар, Г.У. фон. Слава Господа. Богословская эстетика. Т. II : Сферы стилей. Часть 1 : Клерикальные стили / Пер. с нем. М. : ББИ, 2020. С. 277–379; Peter, K. Die Lehre von der Schönheit nach Bonaventura. Werl : Dietrich-Coelde-Verlag, 1964); Фома Аквинат (Pöltner, G. Schönheit. Eine Untersuchung zum Ursprung des Denkens bei Thomas von Aquin. Wein, Freiburg, Basel : Herder, 1978; Bender, M. The Dawn of the Invisible. The Reception of the Platonic Doctrine on Beauty in the Christian Middle Ages : Pseudo-Dionysius the Areopagite – Albert the Great – Thomas Aquinas – Nicholas of Cusa. Münster, 2010. P. 210–268; Sammon, B.Th. The God Who Is Beauty : Beauty as a Divine Name in Thomas Aquinas and Dionysius the Areopagite. Princeton, 2013. P. 259–354); Альберт Великий (Bender, M. Op. cit. P. 161–209; Sammon, B. Op. cit. P. 236–257); Николай Кузанский (Bender, M. Op. cit. P. 269–350).

⁵⁸ Evdokimov, P. L'art de l'icône. Théologie de la beauté. Paris : Desclée de Brouwer, 1970. Рус. пер.: Евдокимов, П. Искусство иконы : Богословие красоты / Пер. с фр. иеромон. Димитрия (Захарова). Клин : Христианская жизнь, 2007.

⁵⁹ Hart, D.B. The Beauty of the Infinite : The Aesthetics of Christian Truth. Grand Rapids, MI : Wm. B. Eerdmans, 2003. Рус. пер.: Харт, Д.Б. Красота бесконечного : Эстетика христианской истины. М. : Библиско-богословский институт св. апостола Андрея, 2010.

в акте «самопростираания» (*ἐπέκτασις*) все далее вперед⁶⁰. И в целом, приводя цитаты из Нисского святителя, он показал наличие у того развернутого богословского учения о красоте.

В 10-е гг. вышли в свет работы М. Бендер и Б. Т. Саммона, которые на различном материале показывали богословское использование понятия красоты у античных философов и христианских мыслителей Средневековья. В обеих специальное внимание было уделено Псевдо-Дионисию Ареопагиту⁶¹. Работы отличает то, что вопрос красоты рассматривался с учетом догматики и мистики. В частности, оба исследователя отметили, что Псевдо-Дионисий использует красоту как одно из имен Бога⁶². М. Бендер заявила, что красота у Ареопагита описывает Бога в отношении к творению, но не характеризует Его сущность⁶³. Б. Саммон высказал мнение, что красота функционирует у Псевдо-Дионисия в различных аспектах: с одной стороны, она может указывать на Бога в Самом Себе как полноту (*plenitude*), а с другой стороны, может указывать на Него же в Его творческом акте⁶⁴; или, выражаясь другими словами, «красота соответствует и Богу в Самом Себе, и Богу в Его общительном Самораскрытии (*communicative self-disclosure*)»⁶⁵. Тема красоты у Ареопагита рассматривалась исследователями в контексте учения о мистическом соединении человека с Богом как Красотой⁶⁶. Бог как Красота является предметом любви, влечения всего сущего⁶⁷. С этими выводами перекликаются наблюдения В. В. Бычкова, который также посвятил Псевдо-Дионисию работу. В частности, он отметил, что красота используется Ареопагитом как одно из имен Божиих⁶⁸. Как Красота Бог является «и

---

⁶⁰ Харт, Д.Б. Красота бесконечного : Эстетика христианской истины. С. 284 и далее; 603 и далее.

⁶¹ Bender, M. *The Dawn of the Invisible. The Reception of the Platonic Doctrine on Beauty in the Christian Middle Ages : Pseudo-Dionysius the Areopagite – Albert the Great – Thomas Aquinas – Nicholas of Cusa.* Münster, 2010. P. 115–160; Sammon, B.Th. *The God Who Is Beauty : Beauty as a Divine Name in Thomas Aquinas and Dionysius the Areopagite.* Princeton, 2013. P. 95–204.

⁶² Bender, M. *Op. cit.* P. 160; Sammon B.Th. *Op. cit.* P. 121 ff.

⁶³ Bender, M. *Op. cit.* P. 160.

⁶⁴ Sammon, B.Th. *Op. cit.* P. 180–181.

⁶⁵ Sammon, B.Th. *Op. cit.* P. 157.

⁶⁶ Bender, M. *Op. cit.* P. 160; Sammon B.Th. *Op. cit.* P. 180.

⁶⁷ Sammon, B.Th. *Op. cit.* P. 181.

⁶⁸ Бычков, В.В. Символическая эстетика Дионисия Ареопагита. М. : ИФРАН, 2015. С. 61.

образцом, и творческой причиной всего сущего, и источником всего прекрасного, гарантом гармоничности мира, но также – и предметом любви, пределом всех стремлений и движений»⁶⁹.

Следует отметить работу «Стояние в святом Божиим огне» православного священнослужителя из США о. Дж. А. Макгакина, посвященную мистике восточных Отцов⁷⁰. В главе «Божия красота: Византийская богословская эстетика»⁷¹ он предложил посмотреть на мистическую традицию восточной патристики в связи с понятием красоты. Красота была выделена как одна из тем мистического богословия, которую восточная патристика через посредничество Оригена творчески унаследовала от Платона. Примечательно, что, упоминая двух Григориев, Евагрия, Ареопагита и прп. Максима Исповедника, автор, тем не менее, обошел молчанием свт. Василия⁷².

Наличие упомянутых работ свидетельствует о том, что, по наблюдениям ряда исследователей, тема красоты представлена в греческой патристике и при этом связана с мистическим богословием. Отсюда логичным видится упомянуть исследования мистического богословия свт. Василия.

3. Работы, посвященные мистическому богословию свт. Василия Великого. К середине прошлого века вышел ряд монографий, описывающих мистическое богословие различных авторов греческой патристики⁷³. Начиная с сер. XX в. вышли обзорные труды, посвященные мистическому богословию восточной патристики в целом⁷⁴. Проявили интерес и к мистическому

---

⁶⁹ Там же. С. 62.

⁷⁰ McGuckin, J.A. *Standing in God's Holy Fire : The Spiritual Tradition of Byzantium*. New York : Orbis Books, 2001.

⁷¹ *Ibid.* P. 22–36.

⁷² *Ibid.* P. 27.

⁷³ См., в частности, работы по Оригену (Völker, W. *Das Vollkommenheitsideal des Origenes. Eine Untersuchung zur Geschichte der Frömmigkeit und zu den Anfängen christlicher Mystik*. Tübingen, 1931; Daniélou, J. *Origène*. Paris, 1948. P. 287–301), свт. Григорию Нисскому (Balthasar, H.U. von. *Présence et pensée : Essai sur la philosophie de Grégoire de Nysse*. Paris, 1942 [пер. на англ.: Balthasar, H.U. von. *Presence and Thought. Essay on the Religious Philosophy of Gregory of Nyssa*. San Francisco, 1995]; Daniélou, J. *Platonisme et théologie mystique : doctrine spirituelle de saint Grégoire de Nysse*. Paris : Aubier, 1944. P. 145 ff.), Псевдо-Дионисий Ареопагит (Lossky, V. *La notion des analogies chez Denis le Pseudo-Aréopagite / Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age*. Vol. 5. Paris. 1930. P. 279–309; Id. *La théologie négative dans la doctrine de Denis // Revue des Sciences philosophiques et théologiques*. Vol. 28. Paris, 1939. P. 204–221).

⁷⁴ Lossky, V.N. *Essai sur la théologie mystique de l'Église d'Orient*. Paris : Edition du Cerf, 1944 [рус. пер.: Лосский, В.Н. *Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Его же. Боговидение*. М. : АСТ, 2006. С.

богословию свт. Василия, вызванный его учением о различии между непознаваемой сущностью Бога и познаваемыми Божественными энергиями⁷⁵. В работе «Боговидение» В. Н. Лосский рассмотрел тему мистического Богопознания. В главе о Великих Каппадокийцах несколько страниц он уделил свт. Василию⁷⁶. Исследователь подчеркнул, что учение о различении в Боге сущности и энергий имело впоследствии «первостепенное значение в учении о видении Бога»⁷⁷ в восточно-христианской богословской мысли. Он отметил: «гносис Климента и Оригена уступит <у свт. Василия> место общению с Богом-Троицей, тому общению, которое не будет уже выражать себя терминами, относящимися исключительно к познанию. Свт. Василий Великий говорит о “задушевной близости с Богом”, о “соединении по любви”. Там, где Климент и Ориген говорили о гносисе или обоживающем созерцании, свт. Василий Великий скажет о Духе Святом... Именно в Духе Святом можем мы созерцать Бога... В Духе Святом мы видим образ Сына, а через Сына – Первообраз – Отца. Всякое видение Бога – троично: в Духе Святом, через Сына, к Отцу»⁷⁸. Рассмотрению учения свт. Василия о различении в Боге сущности и энергий посвятил отдельную статью еп. Василий (Кривошеин)⁷⁹. Католический священник о. Фрэнсис Мерфи в статье по мистическому богословию восточной патристики⁸⁰ уделил несколько абзацев свт. Василию. Он подчеркнул: «Для Василия богословие <учение о Святой Троице> и Домостроительство спасения <учение о Боговоплощении> неразделимы. Одно проявляется через другое. Поскольку Воплощение Сына является центральной

111–309]; Id. *Vision de Dieu*. Paris : Delachaux & Niestlé, 1962 [рус. пер.: Лосский, В.Н. *Боговидение*. М. : АСТ, 2006. С. 311–453]; Eudokimov, P. *La Connaissance de Dieu selon la Tradition orientale, L'enseignement patristique, liturgique et iconographique*. Lyons : X. Mappus, 1967; Lot-Borodine, M. *La déification de l'homme selon la doctrine des pères grecs*. Paris : Editions du Cerf, 1970; McGuckin, J.A. *Op. cit.*

⁷⁵ Lot-Borodine, M. *La doctrine de la « déification » dans l'Église grecque jusqu'au XI e siècle // Revue de l'histoire des religions*. Vol. 105. 1932. P. 14; Lossky, V. *La théologie négative dans la doctrine de Denis // Revue des Sciences philosophiques et théologiques*. Vol. 28. Paris, 1939. P. 205–206.

⁷⁶ Лосский, В.Н. *Боговидение // Его же. Боговидение*. М. : АСТ, 2006. С. 372–376.

⁷⁷ Там же. С. 373–374.

⁷⁸ Там же. С. 375–376.

⁷⁹ Василий (Кривошеин), архиеп. *Проблема познаваемости Бога : сущность и энергия у свт. Василия Великого // Его же. Богословские труды*. Нижний Новгород, 2011 [впервые опубликован в 1967 г.]. С. 527–535; Михайлов П.Б. *Василий Великий. Богословие // ПЭ*. Т. 7. С. 155–156.

⁸⁰ Murphy, F.X. *The Patristic Origins of Orthodox Mysticism // Mystics Quarterly*. 10. 1984. P. 59–63.

кульминацией Домостроительства, невозможно познать Троицу вне Боговоплощения. Видение Бога в таком случае есть тринитарное откровение Отца через Сына в Святом Духе посредством образа в личности Воплощенного Сына»⁸¹.

Наряду с темой Божественных энергий др. темой мистического богословия свт. Василия, на которую обращали внимание, является пневматология, т. е. его учение о посредничестве Святого Духа в акте мистического Богопознания. Так, в книге Р. Лаватори «Святой Дух и Его тайна. Опыт и богословие в трактате Василия “О Святом Духе”»⁸² был отмечен опытный подтекст богословия Великого Каппадокийца: оно основано «не только на науке, но и на жизни; богословие, которое также является опытом (*esperienza*) и соучастием (*condivisione*) в Божественной тайне»⁸³. Автор постулировал: «Для Василия Святой Дух представляется Тем, Кто, оставаясь невыразимым в Своей трансцендентности, проявляет и сообщает Себя через многочисленные действия»⁸⁴. По мнению исследователя, ключом к прочтению трактата «О Святом Духе» является «познавательное измерение (*la dimensione conoscitiva*) или интеллектуальный свет Его существа и Его действий»⁸⁵. Свои наблюдения исследователь суммировал так: «Озарение и общение, созерцание и жизнь, познание и опыт, – вот основные измерения рефлексии Василия о Святом Духе»⁸⁶. В монографии Т. П. Макконнелла «Просвещение в учении Василия Кесарийского о Святом Духе»⁸⁷ были описаны многочисленные функции понятия просвещения (англ. *illumination*) как средства для выражения идеи о непосредственном опыте Бога. Оно используется святителем в учении

---

⁸¹ Ibid. P. 60. Пер. авт.

⁸² Lavatori, R. Lo Spirito santo e il suo mistero. Esperanza e teologia nel trattato «Sullo Spirito santo» di Basilio. Citta' del Vaticano, 1986.

⁸³ Ibid. P. 164. Пер. авт.

⁸⁴ Ibid. P. 102. Пер. авт.

⁸⁵ Ibid. P. 163. Пер. авт.

⁸⁶ Ibid. P. 164. Пер. авт.

⁸⁷ McConnell T.P. Illumination in Basil of Caesarea's Doctrine of the Holy Spirit. Minneapolis, 2014.

о Крещении⁸⁸, о познании Бога через творение⁸⁹ и через Писание⁹⁰. Святитель применяет понятие просвещения как средство для выражения идеи об активности третьей Ипостаси, Святого Духа при познании человеком Бога⁹¹. В работах К. Кошорке и О. А. Дружининой, посвященных теме Церкви в богословии Великого Каппадокийца, было отмечено, что тема мистического Богопознания у него помещена в экклезиологический контекст: Святой Дух действует в церковной общине как Теле Христовом⁹².

В 2004 г. вышло исследование Н. Рассела об обожении в греческой патристике⁹³. Автор уделил внимание также и свт. Василию⁹⁴, который, по его наблюдениям, опирается на различных предшественников, заимствуя у каждого что-то свое и создавая оригинальный подход к вопросу обожения. (этот принцип святителя при работе с предшественниками можно назвать творческим синтезом.) Подобно Оригену, он «представляет обожение как постепенное одухотворение (spiritualization) человека»; подобно свт. Афанасию Великому, он «доказывает Божество Святого Духа на основании Его власти обоживать»⁹⁵. Интерес представляет вывод исследователя об использовании понятия красоты в контексте мистического учения об обожении: «Василий вообще более платоничен. В этом, как и в своем апофатизме, он похож на Климента <Александрийского>. По мнению Василия, когда люди созерцают Бога, они смотрят на непостижимую красоту. Они просто становятся “подобными” Богу, подражая Его моральному совершенству, причем термин “боги” используется либо в номинальном смысле, либо в отношении эсхатологического состояния человека»⁹⁶.

---

⁸⁸ Ibid. P. 31 ff.

⁸⁹ Ibid. P. 71 ff.

⁹⁰ Ibid. P. 145 ff.

⁹¹ Ibid. P. 217 ff.

⁹² Koschorke, K. Spuren der alten Liebe. Studien zum Kirchenbegriff des Basilius von Caesarea. Freiburg, 1991. S. 348; Druzhinina, O.A. The Ecclesiology of St. Basil the Great. A Trinitarian Approach to the Life of the Church. Eugene, OR : Pickwick Publications, 2016. P. 38–39.

⁹³ Russell, N. The Doctrine of Deification in the Greek Patristic Tradition. Oxford : Oxford University Press, 2004.

⁹⁴ Ibid. 206–213.

⁹⁵ Ibid. 212.

⁹⁶ Ibid. 213.

Следует отметить недавние работы отечественных ученых. А. Р. Фокин, рассматривая мистико-аскетическое учение Евагрия, отметил, что применяемая последним трехступенчатая гносеологическая схема «этика – естественное созерцание – богословское ведение» ранее встречалась у свт. Василия⁹⁷. Последняя ступень этой схемы относится к мистическому богословию. Позднее на идеях свт. Василия, относящихся к третьей ступени, более подробно остановилась О. Алиева. Она назвала эту ступень «эпоптикой» – непосредственным созерцанием Бога⁹⁸. Учение свт. Василия о сущности и энергии в Боге упомянул прот. Н. Карасев в работе по православной мистике⁹⁹. А. Грюнерт проследила использование святителем зрительной лексики и показала, что он осмысляет непосредственный мистический опыт с привлечением метафоры оптического восприятия¹⁰⁰.

Таким образом, к настоящему моменту различными исследователями было выявлено, что: во-первых, в мысли свт. Василия представлено понятие красоты, которое напрямую связано с его богословием, нравственно-аскетическим учением и мистическим богословием, выполняя там различные функции; во-вторых, понятие красоты представлено в мысли других авторов греческой патристики, у которых оно используется в контексте богословия, Богопознания и мистики; в-третьих, у свт. Василия имеется глубокое мистическое богословие, связанное с учением о Святой Троице, о Божественных энергиях, о Святом Духе и о Церкви, которое оказало влияние на последующую аскетическую традицию.

---

⁹⁷ Фокин, А.Р. Евагрий Понтийский – теоретик восточно-христианской мистико-аскетической традиции // Мистицизм : теория и история. М. : ИФРАН, 2008. С. 74. Исследователь здесь ссылается на: Bas. Nom. 12.1.

⁹⁸ Alieva, O. Theology as Christian Epopteia in Basil of Caesarea // Journal of Early Christian Studies. 2020. Vol. 28. No. 3. P. 373–394.

⁹⁹ Карасев, Н.А., прот. Феномен православной мистики : истоки и осмысление в русской богословской мысли XVIII – сер. XX вв. / Диссертация на соискание ученой степени доктора богословия. М., 2020. С. 64–66.

¹⁰⁰ Грюнерт, А. Зрительная лексика в контексте философии познания Василия Великого // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 3. № 1. С. 121–144; Ее же. Телесное зрение и созерцание в гносеологическом контексте : сравнение «Бесед на псалмы» Оригена и свт. Василия Великого // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1 : Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. № 102. С. 11–28.

Целью настоящей работы является изучение соотношения понятия красоты с Богом в богословии свт. Василия Великого в широком историко-философском и историко-богословском контексте.

Достижение поставленной цели предполагается посредством решения следующих **задач**:

1. Выявить философско-богословские истоки учения о красоте у свт. Василия Великого.
2. Провести лингвистический анализ понятия красоты и соответствующих терминов у свт. Василия Великого; выявить семантические связи между ними.
3. Осуществить богословский анализ понятия Божественной красоты у свт. Василия Великого.
4. Определить место и роль учения о Божественной красоте в аскетическом и мистическом богословии свт. Василия Великого.
5. Выявить, в чем заключалось влияние учения свт. Василия Великого о Божественной красоте на последующую греческую патристику.

Объектом исследования является богословие свт. Василия Великого в историко-философском и историко-богословском контексте.

Предметом исследования является учение о Божественной красоте в богословии свт. Василия Великого и его различные аспекты.

Научная новизна исследования. Впервые осуществляется комплексный подход к теме красоты у свт. Василия с богословских позиций.

Впервые показывается связь учения свт. Василия о красоте с биографическими данными, его опытное происхождение. Понятие Божественной красоты в сочинениях святителя отражает опыт духовного обращения, пережитый во время обучения в Афинах, а также опыт умного делания, полученный с началом аскетического образа жизни.

Впервые обосновывается, что свт. Василий первым в истории патристики осуществил синтез учения о красоте Бога в предшествовавших античной и патристической традициях и оказал влияние на формирование учения о красоте в последующей греческой патристике.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Впервые реконструируется учение о красоте и его место в богословии свт. Василия, что дает возможность скорректировать некоторые устоявшиеся теоретические положения. Широко признано, что свт. Василий в своей мысли осуществил мировоззренческий синтез, вобравший достижения античной и патристической мысли предшествовавших эпох; данное исследование демонстрирует, что его учение о красоте стало одним из аспектов этого синтеза. Большинство исследований патристического учения о красоте фокусировались на эстетических феноменах красоты, хотя и отмечали их связь с догматическим богословием; данное исследование впервые показывает, что в рамках учения свт. Василия и последующей греческой патристики о красоте ключевым является догматическое и мистико-аскетическое понятие Божественной красоты, тогда как прочие понятия красоты являются вспомогательными, вытекают из него. В исследованиях вопроса красоты у свт. Василия это понятие до сих пор рассматривалось как частный вопрос, связанный с искусством; данное исследование впервые выявляет универсальный характер понятия красоты в мысли свт. Василия, которое затрагивает многообразные области его учения: триадология, учение о Божественных энергиях, христология, пневматология, экклезиология, космология, антропология, протология, эсхатология, ангелология, мистическое Богопознание, аскетика. В литературе по мистическому богословию греческой патристики широко признана выдающаяся роль свт. Григория Нисского, младшего брата святителя, хотя отмечается наличие мистического богословия и у самого свт. Василия; данное исследование впервые показывает, что учение свт. Василия о Божественной красоте оказало решающее влияние на последующую греческую патристику, в том числе на свт. Григория Нисского. В современной православной теозстетике (П. Евдокимов, Д. Б. Харт, О. Давыдов) неоднократно высказывалась идея о связи эстетических феноменов красоты с Богом, наличие богословского измерения у красоты, однако в силу недостаточного изучения проблемы

красоты в греческой патристике имелась неопределенность относительно догматического статуса этой идеи, в частности, оставалось не проясненной связь эстетической красоты с Богом; данное исследование на широком материале показывает наличие догматического и мистико-аскетического учения о Божественной красоте в греческой патристике, что, во-первых, позволяет говорить о легитимности богословской дискуссии о красоте в современной православной теоэстетике с точки зрения Священного Предания Восточной Церкви, а во-вторых, проясняет связь эстетических феноменов прекрасного с Божественной красотой. В традиции православного догматического богословия до сих пор понятие красоты не имело широкого употребления; настоящее исследование, показывая представленность учения о Божественной красоте в греческой патристике, делает возможным введение категории красоты в обиход догматического богословия.

Результаты исследования могут быть практически использованы в курсах по догматическому богословию (в частности, в разделах, посвященных триадологии, Богопознанию, космологии, ангелологии, антропологии, христорологии, пневматологии, экклезиологии, эсхатологии), аскетике, и нравственному богословию, патрологии, эстетике, а также при написании научных работ или пособий по истории догматического или мистического богословия, истории богословия, а также истории эстетики.

Методы, использованные в исследовании. В главах 1, 2 и 5 первичный поиск контекстов, в которых используется тот или иной интересующий термин, осуществлялся с помощью базы данных TLG. При обработке обнаруженных контекстов использованы лингвистические методы, в частности: метод лингво-семантического анализа (для выявления семантических элементов, которые данный автор регулярно соотносит с понятием красоты); метод идеографического анализа¹⁰¹ (для выявления

---

¹⁰¹ Идеографический (идеологический, концептуальный) принцип положен в основу составления тезаурусов. Подробнее см.: Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика : Учебник для вузов. М. : УРСС, 2000. С. 127–143. Также в качестве примера применения этого метода можно привести следующие словари: Баранов, О.С.

объектов универсума, которые данный автор считает наделенными таким свойством, как красота).

В силу того, что категория красоты, вообще говоря, не имеет строгой привязки к конкретным терминам и может выражаться по-разному, написание глав 2–4 предварялась также прочтением русскоязычных переводов исследуемого автора с целью выявить контексты, где идеи автора, связанные с красотой, высказываются им без использования самого понятия красоты.

В главах 1 и 5 использованы историко-философские методы, в частности: сравнительный метод (использование понятия красоты у одного автора сравнивается с тем, как его использовал другой автор); метод типологизации (на основании суммарной информации о том, как понятие красоты используется всеми рассмотренными авторами, строится обобщающая модель, вбирающая в себя все рассмотренные случаи; далее при рассмотрении понятия красоты у конкретного автора делается оценка, какие элементы обобщающей модели у него представлены, а какие отсутствуют); метод обобщения (после сопоставления использования понятия красоты отдельными авторами делается вывод об исторической динамике, о возможных влияниях одного автора на другого).

В главах 1, 3 и 4 использованы философские методы, в частности: аналитический метод (при рассмотрении конкретного случая использования данным автором понятия красоты уточняется, с какими элементами его мировоззрения связано понятие, к какой области его мировоззрения относится), сравнительный метод (сопоставляются отдельные случаи употребления понятия красоты у одного и того же автора; сопоставляются случаи, когда различные авторы используют понятие красоты в одном и том же или схожем мировоззренческом контексте), метод синтеза (после рассмотрения использования понятия красоты у одного и того же автора в различных областях его мировоззрения делается вывод о том, в каких областях

Идеографический словарь русского языка. М. : Издательство Прометей МГПИ им. В.И. Ленина, 1990; Шаталова, Т.И. Англо-русский идеографический словарь. М. : Рус. яз., 1993.

его мировоззрения понятие красоты представлено, а в каких нет), метод обобщения (за счет сопоставления отдельных случаев, когда данный автор использует понятие красоты, формируется модель его мировоззрения как когерентного целого и оценивается степень того, насколько понятие красоты является универсальным для него).

В главах 1, 2, 3 и 5 использован метод частотного анализа, позволяющий за счет анализа частотности использования тех или иных языковых форм оценить, являются ли они регулярными философскими или богословскими средствами, с помощью которых данный автор выражает значимые для него области мировоззрения, или же они не несут философского или богословского смысла, а являются только риторическими средствами.

Источниковая база исследования. Все источники, на которые опирается исследование, можно разделить на основные и дополнительные.

Ключевыми источниками являются издания, которые позволяют рассмотреть непосредственно предмет исследования. К ним относятся сочинения свт. Василия на греческом языке. Их, в свою очередь, можно разбить на две группы. К первой следует отнести сочинения, изданные критически. В XX–XXI вв. были осуществлены переиздания значительной части его текстов. Речь идет, в частности, об изданных в рамках двуязычной (греч. – франц.) серии Sources Chrétiennes трактатах «О Святом Духе», «Против Евномия» и «О крещении», а также о двух беседах о сотворении человека (10-й и 11-й «Беседах на Шестоднев»). «Беседы на Шестоднев» (с 1-й по 9-ю) приводятся по критическому изданию Э. Аманда де Мендьеты и С. И. Рудберга. Письма даются по трехтомнику И. Куртонна 1957–1966 гг. В упомянутых изданиях указываются терминологические разночтения, которые зафиксированы в рукописной традиции, что позволяет делать надежные выводы при реконструкции учения святителя о красоте. Ко второй группе следует отнести те сочинения свт. Василия, которые до сих пор не были изданы критически. Все они цитируются по серии Patrologia Graeca Ж.–П. Миня. Это относится к таким сочинениям, как: «Нравственные беседы»,

«Беседы на псалмы», а также «Правила, пространно изложенные» и «Правила, кратко изложенные», образующие так называемый «Аскетикон». Издание Ж.–П. Миня опиралось на рукописи, качество которых до сих пор не получило общепринятой оценки. При анализе этих текстов приходится всякий раз учитывать вероятность того, что те или иные слова, словосочетания или даже фрагменты могли дойти до нашей эпохи с позднейшими искажениями и правками. Вместе с тем, отсутствие критических изданий для этих сочинений отчасти компенсируется двумя обстоятельствами. Во-первых, благодаря высокому авторитету свт. Василия уже в древности были известны переводы данных сочинений, по которым можно проследить присутствие важных для настоящего исследования фрагментов, содержащих понятие красоты. Во-вторых, использование свт. Василием понятия красоты в сочинениях, изданных без критического аппарата, полностью согласуется с той картиной, которая реконструируется на основе анализа критически изданных сочинений. Эти два обстоятельства позволяют предполагать с высокой долей вероятности, что отсутствие критических изданий для некоторых сочинений автора не вносит погрешности в выводы настоящего исследования.

К дополнительным источникам относятся: тексты Священного Писания, труды античных философов и авторов ранней патристики, написанные до свт. Василия, некоторые из которых могли оказать влияние на его взгляды; труды авторов греческой патристики, на которых мог оказать влияние Великий Каппадокиец; труды церковных историков.

Священное Писание. Танах (еврейский Ветхий Завет) цитируется по изданию *Biblia Hebraica Stuttgartensia*, в котором представлен Ленинградский кодекс XI в. Греческий Ветхий Завет (Септуагинта) цитируется по изданию А. Ральфса.

Античные философы даются по общепризнанным изданиям различных лет. Так, труды Платона цитируются по изданию Дж. Бернета. Труды Аристотеля: «Метафизика» – по изданию Г. Боница (1848 г.); первая и вторая Аналитики, «Политика», «Топика», «Физика», «О сне и бодрствовании» – по

изданиям В. Д. Росса, «Евдемова этика» – по изданию Р. Р. Вальцера (1991 г.), «Большая этика» – по Кэмбриджскому изданию под общей редакцией Г. К. Армстронга (1935 г.), «Никомахова этика» – по изданию И. Байуотера (репринт 1962 г.); «Протрептик» – по изданию И. Дюринга (1961 г.); «Реторика» – по изданию Р. Касселя (1976 г.). Фрагменты из Хрисиппа цитируются по изданию «*Stoicorum Veterum Fragmenta*» под редакцией Г. фон Арнима. Труды Филона Александрийского даются по изданию начала прошлого века под редакцией Л. Кона и П. Вэндланда. Сочинения Плутарха приводятся, в основном, по Лейпцигской серии (издательство Teubner), но некоторые цитируются по Гарвардской серии. «Введение к диалогам Платона» Альбина приводится по изданию платоновских диалогов под редакцией К. Ф. Херманна (1853 г.). Учебник Алкиноя дается по Парижскому изданию (1945 г.) под редакцией П. Луи. Учебник Апулея приводится по изданию под редакцией Кл. Морескини (1991 г.). «Эннеады» Плотина цитируются по Гарвардскому двуязычному (англо-греческому) изданию под редакцией А. Х. Армстронга.

Ранняя патристика до свт. Василия. Тексты ранней патристики до свт. Василия приводятся в большинстве случаев по критическим изданиям. В основном диссертант опирается на две серии: *Sources Chrétiennes* и *Griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte*. Но некоторые памятники даются по изданиям, не входящим в указанные серии. В частности, «Дидахе» приводится по Парижскому изданию под редакцией Ж. П. Одэ (1958 г.). «Диалог с Трифоном Иудеем» св. Иустина дается по Фрибурскому изданию под редакцией Ф. Бобишона (2003 г.). Афинагор Афинский цитируется по Оксфордскому изданию под редакцией В. Р. Шёделя (1972 г.). Татиан дается по изданию под редакцией М. Марковича в рамках серии «*Patristische Texte und Studien*» издательства «De Gruyter» (1995 г.). Тертуллиан дается по изданию в рамках серии *Corpus Christianorum. Series Latina* бельгийского издательства *Wepols* из г. Тюрнхаут. Важный отрывок из св. Мефодия

Олимпийского, до сих пор не получивший критического издания, приводится по 18-му тому *Patrologia Graeca*.

Греческая патристика после свт. Василия. Сочинения последующих греческих Отцов, учтенные в рамках исследования, по большей части изданы критически. В частности, беседы свт. Григория Назианзина даются по изданиям в рамках серии *Sources Chrétiennes*; поэма «*De vita sua*» – по изданию под редакцией К. Юнгка (1974 г.). Сочинения свт. Григория Нисского приводятся по авторитетной серии *Gregorii Nysseni opera*, начатой В. Йегером. Макарьевский корпус дается по двуязычному (греческий – русский) изданию под редакцией А. Г. Дунаева и иеромонаха Винсена Дюпре (2015 г.). Ареопагитский корпус дается по двум томам в рамках серии *Patristische Texte und Studien* берлинского издательства «*De Gruyter*», один – под редакцией Б. Р. Зухлы (1990 г.), второй – под редакцией Г. Хайля и А. М. Риттера (2012 г.). Труды прп. Максима Исповедника цитируются по следующим изданиям: «Амбигвы к Фалассию» (К. Лага и К. Стиль), «Мистагогия» (К. Будиньон) и «Вопросы и затруднения» (Ж. А. Деклерк) – по томам в рамках серии *Corpus Christianorum. Series Graeca* (тома № 7, 10, 22, 69); «Амбигвы к Иоанну» – по тому под редакцией Н. Констаса в рамках гарвардской серии *Dumbarton Oaks Medieval Library* (2014 г.); «Главы о богословии и домостроительстве воплощения Сына Божия» даются по изданию К. Хайда и А. Вольбольда в рамках серии *Fontes Christiani* (2017 г.). Труды прп. Иоанна Дамаскина приводятся по собранию сочинений под редакцией П. Б. Коттера. «Гимны» прп. Симеона Нового Богослова цитируются по изданию А. Камбюлиса (1976 г.). Труды свт. Григория Паламы приводятся по фессалоникийскому собранию сочинений под общей редакцией П. К. Христу. Некоторые сочинения авторов греческой патристики цитируются по *Patrologia Graeca*. В частности: поэтические сочинения свт. Григория Назианзина (кроме «*De vita sua*») – по 37-му тому; письма прп. Максима Исповедника – по 91-му тому.

Положения, выносимые на защиту:

1. Учение свт. Василия о Божественной красоте (*κάλλος*) опирается на античную философию, Священное Писание и предшествовавшую патристику.

2. Учение свт. Василия о красоте (*κάλλος*) является, с одной стороны, синтезом представлений о красоте ранней патристики и античной философии, а с другой стороны, имеет опытное происхождение, вытекает из его личного духовного опыта.

3. Понятие Божественной красоты (*κάλλος*) в догматическом учении понимается свт. Василием как свойство Божественной природы, в одинаковой степени присущее Отцу, Сыну и Святому Духу, и отождествляется с Божественной энергией.

4. Понятие Божественной красоты (*κάλλος*) используется свт. Василием, с одной стороны, для характеристики совершенного христианина, а с другой, для описания непосредственного духовного (мистического) опыта, переживаемого подвижником.

5. Учение свт. Василия о красоте (*κάλλος*) имеет универсально-мировоззренческий характер и вбирает в себя множество аспектов: триадология, учение о Божественных энергиях, христология, пневматология, экклезиология, космология, антропология, протология, эсхатология, ангелология, мистическое Богопознание, аскетика.

6. Учение свт. Василия о Божественной красоте (*κάλλος*) оказало влияние (непосредственное либо опосредованное свт. Григорием Нисским) на литературно-богословскую традицию греческой патристики.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Важным замечанием методологического характера является подход, реализуемый при поиске и анализе терминов, связанных с семантическим полем красоты. Главным образом, внимание обращалось на различные формы прилагательного *καλός*, а также на существительное *τὸ κάλλος*. Там и здесь приходилось также обращаться к различным синонимам (таким как *ὠραιότης*, *εὐπρέπεια*, *μεγαλοπρέπεια*, *δόξα*, *φῶς* и др.), однако автор не имел физической возможности исчерпывающе обозреть употребление каждого из них в

традиции. Это связано с тем, что так называемая эстетическая терминология, т. е. те или иные понятия, несущие семантику красоты, чрезвычайно распространены в патристике. Несмотря на наличие в греческом языке основных терминов для обозначения красоты – *τὸ κάλλος* и *τὸ καλόν*, это понятие может обозначаться и другими терминами. Вместе с тем, учет их всех означал бы многократное увеличение и без того весьма обширного по объему исследования. Таким образом, выводы исследования вполне достоверны, насколько они касаются терминов *καλός*, *τὸ καλόν* и *τὸ κάλλος*, однако все прочие термины учитывались лишь частично по мере раскрытия темы. Вместе с тем, если говорить о догматическом и мистическом использовании понятия красоты в греческой патристике, то указанные основные термины хотя, вероятно, не раскрывают решительно всех аспектов, но во всяком случае позволяют выявить многие из них. Кроме того, выбор именно этих терминов был продиктован тем, что у находящегося в фокусе исследования свт. Василия именно термин *τὸ κάλλος* является ключевым средством для обозначения понятия Божественной красоты – главного понятия для раскрытия темы исследования. Таким образом, сосредоточенность автора (при анализе греческих источников) на указанных терминах в данном случае не влияет на достоверность выводов обобщающего характера.

Достоверность результатов подтверждается апробацией материала на научно-богословских конференциях; некоторые из этих докладов опубликованы в сборниках¹⁰². Результаты исследования частично отражены в десяти публикациях, в том числе в пяти публикациях в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК, и еще в пяти – в прочих

---

¹⁰² Овчаренко, А.В. Эсхатологическое прочтение Пс 114. 7–9 свт. Василием Великим : метафора оптического восприятия божественной красоты // XXXII Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета : Материалы. М. : Изд-во ПСТГУ, 2022. С. 13–16; Овчаренко, А., диак. Свт. Василий и вопрос красоты // Государство, Церковь, право : конституционно-правовые и богословские проблемы : Материалы XIII Международной научной конференции, посвященной 250-летию воссоединения Белоруссии и России, Москва, 28 апреля 2022 г. Под ред. С.Н. Бабурина и А.М. Осавельюка. М. : Книжный мир, 2022. С. 62–72.

изданиях (индексируемых в международной базе данных Scopus или в базе данных РИНЦ). ааа

Краткое описание структуры диссертационной работы. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений, списка литературы и приложения. Список литературы содержит 488 наименования: 8 – основных источников (сочинения свт. Василия Великого); 6 – версий Библии и библейских переводов, которые цитируются в диссертации; 270 – дополнительных источников (труды античных философов и авторов патристики); 203 – научной литературы. Из научной литературы 112 наименований – на русском языке, и 91 – на иностранных языках.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении раскрыты актуальность и степень научной разработанности темы; сформулированы цель и задачи диссертации; описаны объект и предмет работы; представлены научная новизна, методология, практическая и теоретическая значимость исследования; заявлены положения, выносимые на защиту, указана апробация представленных результатов.

Первая глава **«Исторический контекст: формирование представления о красоте (прекрасном) и ее соотношении с Богом в античной философии и греческой патристике до свт. Василия Великого»** посвящена исследованию культурных истоков, послуживших формированию учения свт. Василия о красоте. Диссертант рассматривает три группы источников, на которые опирался свт. Василий, создавая свое учение о красоте, а именно: античная философия, Библия и ранняя патристика.

При обзоре античной философии особое внимание диссертант уделяет Платону. В античной литературе на греческом языке широко используется прилагательное *καλός* (-ή, -όν) – «прекрасный», его субстантивированная форма *τὸ καλόν* – «прекрасное» и однокоренное существительное *τὸ κάλλος* – «красота». Еще до Платона эти термины покрывают широкий спектр

значений, образуя тем самым категорию, в которую входят различные понятия красоты. В сочинениях Платона перечень понятий, входящих в категорию красоты, философски обобщается за счет помещения в контекст мифологизированных нарративов (в частности, в диалогах «Пир» и «Федр») и помещается в контекст естественной теологии. Красота используется Платоном в широком мировоззренческом контексте, помогая ему передать, в частности, учение о протологическом единстве души (еще до рождения) с Божественным, о ее «падении» в материальный мир при рождении и «возвращении» к первоначальному единству в эсхатологическом будущем. Последнее осмысливается в диалоге «Пир» как постепенное восхождение души от телесной красоты ко все более высоким видам красоты, которое завершается созерцанием Прекрасного самого по себе. В рамках этой схемы Платон регулярно использует понятие красоты для характеристики Божественного, как он его понимал. Кроме того, он первым в античной философской прозе осуществляет постановку проблемы прекрасного, хотя и не предлагает универсального решения.

Историческое достижение Платона в философском использовании понятия красоты диссертант обобщенно сводит к следующим трем аспектам: Платон 1) осуществляет философскую постановку проблемы красоты, 2) разрабатывает философскую категорию красоты и 3) регулярно использует теологическое понятие красоты, т. е. применяет понятие красоты для характеристики Божественного. Диссертант приходит к обобщающему выводу, что учение Платона о красоте явилось удачной находкой и было воспринято последующей античной философией, которая не добавит ничего принципиально нового в использование понятия красоты. Различные авторы в неравной степени усваивали указанные аспекты платоновского учения о красоте. В частности, Аристотель и Хрисипп из Сол пытаются решить проблему прекрасного и используют категорию красоты, но практически не задействуют красоту в естественной теологии для характеристики Божественного. Средние платоники (в частности, Филон Александрийский,

Плутарх из Херонеи, Алкиной, Альбин, Аттик, Апулей), напротив, не пытаются решить проблему красоты (повторяя решения, предложенные ранее), но активно используют как категорию красоты в целом, так и понятие красоты в естественной теологии для характеристики Божественного в частности. Эта традиция достигает расцвета в философии Плотина, который воспринимает все три указанных аспекта и в каждом из них вносит свои новшества: осуществляет пересмотр бытовавшего в его эпоху решения проблемы красоты; усваивает платоновскую категорию красоты, хотя и вносит свои поправки в ее структуру; глубоко и разносторонне использует понятие красоты в естественной теологии для характеристики Божественного, дополняя его развитым учением о мистическом опыте души, переживающей Божественную красоту.

Обобщая употребление слов *красота* и *прекрасное* в античной философии, диссертант приходит к выводу, что состав категории красоты в Античности от Платона до Плотина остается стабильным и включает понятия из нескольких семантических областей: красота человеческого тела, эстетическая красота космоса, красота как качество души и ее проявление в красоте поступков, деятельности, учений или текстов, нравственно прекрасное (*τὸ καλόν*) и Божественная красота. При том, что общий состав категории остается неизменным от автора к автору, все же частотность в использовании отдельных понятий, равно как и мировоззренческое их осмысление варьируется. На основании этого диссертант обобщенно заключает, что разработанная Платоном категория красоты, увенчиваемая Божественной красотой, получает широкое распространение в античной мысли как гибкое философское средство, легко адаптируемое под те или иные мировоззренческие нужды.

Анализ присутствия понятия красоты в Священном Писании позволяет диссертанту выделить несколько исторических этапов в развитии этого феномена. В Масоретском тексте, отражающем древнейший этап формирования Библии, красота не обозначается каким-то одним главным

термином, но выражается многими терминами. Под красотой – יָפֵה (yaḥē) понимается преимущественно физическая привлекательность женщины или, реже, юноши. Кроме того, Масоретский текст использует несколько других слов, значения которых по-русски могут быть переведены словами *красота* или *прекрасный*: טוֹב (tov) – «хороший»; נֹעַם (noam) – «очаровательный», «приятный»; הֵן (hen) – «благосклонность», «милость», «изящество». Кроме того, применительно к единому Богу Израиля еврейская Библия в разных местах использует понятия אֹר (or) – «свет» и כְּבוֹד (kabod) – «слава», а также ряд терминов, означающих «великолепие» или «величие»: גֵּוַהֵר (geut), הֲדָר (hadar), הוֹד (hod), תִּפְאָרָה (tifara), которые, несмотря на соотнесение с трансцендентным Богом, подразумевают акт оптического восприятия со стороны человека. Все эти понятия в еврейской Библии остаются разрозненными и не образуют единой категории. На втором этапе развития рассматриваемого феномена, а именно при переводе Танаха на греческий язык красота человеческого тела יָפֵה (yaḥē) передается термином τὸ κάλλος. Наряду с этим во многих случаях термин טוֹב (tov) переводится с помощью термина (τὸ) καλόν, основное значение которого – «прекрасное». Некоторые из терминов, означающих великолепие Бога, переводятся в ряде случаев с привлечением второстепенной терминологии греческого языка для обозначения красоты (ὠραιότης, εὐπρέπεια, μεγαλοπρέπεια). В результате в греческой Септуагинте появляются места, которые в своей совокупности, если прочитывать их в свете существования в Античности разработанной категории красоты, сами образуют категорию. Так, наряду с телесной красотой в Септуагинте оказываются понятия эстетической красоты мира (как творения Божия), нравственно прекрасного (как угодного Богу), а также красоты слов и дел. Таким образом, сравнительно с Танахом Септуагинта содержит уже не разрозненные понятия, так или иначе связанные с семантическим полем красоты, но уже категорию красоты. Эта последняя сопоставима с платонической, но отличается как по составу (в ней, строго говоря, отсутствует понятие красоты души, а Божественная красота

обозначается другими терминами), так и по содержанию (понятия телесной красоты, красоты мира, нравственно прекрасного и Божественная красота осмысляются иначе, чем в платонизме). Если $\tau\upsilon$ (tov) и $\eta\bar{\rho}\epsilon$ (yaře) Септуагинта регулярно переводит с помощью прилагательного *καλός* и существительного *τὸ κάλλος* соответственно, то для перевода прочих упомянутых терминов она использует другие понятия: $\nu\omicron\alpha\mu$ (noam) – *τερπνότης* («приятность», «сладость») или *λαμπρότης* («блистательность»); $\eta\eta$ (hen) – *χάρις* («милость», «благодать», «грация»); $\omicron\gamma$ (og) – *φῶς* («свет»); $\kappa\alpha\beta\omicron\delta$ (kabod) – *δόξα* («слава»), $\eta\delta\alpha\gamma$ (hadar) – *μεγαλοπρέπεια* («великолепие») и пр. Третьим этапом в развитии феномена становится появление Нового Завета. В притчах Спасителя, а также в апостольских посланиях используются прилагательное *καλός*, а также его адвербиальная форма *καλόν* – «хорошо», «прекрасно». В притчах оно входит в состав метафор и относится к образам, обозначающим человека, включая его душу, внутренний мир («дерево», «земля», «семья»), а также действия («плоды»). В результате, если прочитывать новозаветные тексты в широком контексте античной грекоязычной культуры, в них обнаруживаются понятия, которые перекликаются с платоническими понятиями красоты, которые связаны с душой: красота души, красота слов или дел, нравственно прекрасное. При этом новозаветные тексты крайне редко используют понятия из других семантических областей, таких как красота тела, космоса или Бога, предпочитая для их обозначения альтернативные термины (*ἡ μεγαλοπρεπής δόξα, εὐπρέπεια*). Наконец, четвертым этапом в развитии рассматриваемого феномена является аллегорическая экзегеза ранней патристики, которая обращает внимание на имеющиеся в Септуагинте и в Новом Завете понятия красоты, обобщает, дополняет их недостающими понятиями красоты души (*κάλλος*) и Божественной красоты (*κάλλος*) и в результате разрабатывает категорию красоты, по составу подобную платонической. Результатом четвертого этапа становится то, что те понятия красоты, которых Библия изначально не содержала и которые были разработаны ранней патристикой, органично вбирают в себя как библейские, так и платонические мотивы. Так,

в понятии красоты души, как оно функционирует в патристике, проявляются семантические особенности, свойственные как библейскому понятию *χάρις* («милость», «благодать», «грация»), так и античному *ἀρετή* («добродетель»). Использование патристикой понятия Божественной красоты обнаруживает семантические особенности как библейских понятий *φῶς* («свет»), *δόξα* («слава») и *μεγαλοπρέπεια* («великолепие»), так и платонические мотивы, такие как эротическая и оптическая метафоры.

Анализ функционирования понятия красоты в патристике II–IV вв. позволяет диссертанту заключить следующее. Во-первых, ранняя патристика остается в стороне от обсуждения проблемы красоты, хотя там и здесь можно встретить аллюзии на античные модели. Во-вторых, рецепция ранней патристикой категории красоты была постепенной и растянулась на полтора столетия – от мужей апостольских до Оригена. В-третьих, разработка ранней патристикой понятия Божественной красоты, которое также растянулось на полтора-два века, проходила по двум преемственным линиям: с одной стороны, понятие красоты относили к Богу Отцу (св. Иустин – Афинагор – Климент Александрийский), с другой стороны, к Божественному Логосу (сщмч. Иринеи Лионский – Тертуллиан – Климент Александрийский – Ориген – свт. Григорий Чудотворец – Евсевий Памфил). В IV в. наблюдаются попытки обе линии согласовать (сщмч. Мефодий Олимпийский, Дидим). В рамках обеих линий понятие красоты, когда его соотносили с Богом Отцом либо с Логосом, ассоциируется с рядом мотивов, в том числе: с метафорой оптического восприятия, с понятием света или славы, с эротической метафорой, с понятием приобщения/причастия, с событиями Преображения или второго Пришествия Иисуса Христа и пр. Эти и некоторые другие мотивы, с которыми ранняя патристика связывает понятие Божественной красоты, фактически сформировали пусть пока еще разрозненный, но вместе с тем богатый материал, который требовал обобщения и синтеза и ожидал появления крупных мыслителей, к этому способных, таких как Великие Каппадокицы.

Во второй главе «Лингво-семантический анализ понятия красоты и связанных с ним терминов в трудах свт. Василия Великого» диссертант выявляет лингвистические особенности понятия красоты в сочинениях свт. Василия.

Отмечается, что в корпусе сочинений свт. Василия имеется не менее 20 фрагментов разного объема, где понятие красоты соотносится с Богом. Они рассредоточены по 15 сочинениям разных лет. Выявлен 51 случай, когда тот или иной термин с семантикой красоты соотносится с Богом. Основным является термин *κάλλος*, – на него приходится 37 употреблений. Прочие термины являются для святителя второстепенными, поскольку используются значительно реже: *ώραιότης* (4 раза), *τὸ καλόν*, *μεγαλοπρέπεια*, *ὑπέρκαλος* (по 2 раза), *τερπνότης*, *λαμπρότης*, *τὸ αὐτόκαλον*, *πάγκαλος* (по 1 разу).

Диссертант рассматривает фрагменты, где понятие красоты соотносится с Богом, и приходит к выводу, что во всех случаях оно сопровождается метафорой созерцания Божественной красоты. Лингво-семантический анализ метафоры показывает, что она состоит по меньшей мере из 10 семантических компонентов. Божественная красота является одним из них. Помимо красоты метафора включает и ряд других компонентов: субъект созерцания; его внутреннее состояние (эмоция, переживание); указание на оптический канал восприятия красоты; указание на нравственное достоинство субъекта, аскетическое достижение которого предшествовало созерцанию и явилось его предпосылкой; указание на мистический характер созерцания; указание на присутствие Бога (благодати, Святого Духа), Его активную роль; связь красоты с *благом*, *светом* и *славой*. Только в одном месте («Правила, пространно изложенные», 2.1) 10 компонентов представлены все, в остальных случаях метафора реализуется за счет меньшего их числа. Кроме, собственно, понятия красоты все остальные компоненты могут автором опускаться. 10 семантических компонентов образуют инвариант метафоры, тогда как в конкретных фрагментах представлена более или менее усеченная его версия. При соотнесении понятия красоты с Богом свт. Василий не раскрывает его

содержания в виде философского определения или попытки ответить на вопрос, что такое Божественная красота. Содержание понятия красоты раскрывается не напрямую, а опосредованно за счет взаимодействия с прочими семантическими компонентами в составе метафоры. Святитель описывает не саму Божественную красоту, а взаимодействие человека с нею.

Идеографический анализ термина *τὸ κάλλος* показал, что категория красоты у свт. Василия включает, помимо понятия Божественной красоты, также другие понятия. Выявлены и семантически описаны следующие понятия: эстетическая красота мира; эстетическая красота человеческого тела; духовная (внутренняя) красота человека, нравственно прекрасное, красота слов (понятий, учений) и дел. Диссертантом делается вывод, что структура категории красоты в сочинениях свт. Василия повторяет структуру представленной у более ранних авторов платоновской категории красоты

В третьей главе **«Богословский анализ понятия красоты в сочинениях свт. Василия Великого»** диссертант реконструирует использование понятия красоты в догматике свт. Василия и приходит к выводу, что учение святителя о Божественной красоте вытекает из его учения о Святой Троице. Красота понимается им как свойство Божественной природы, в равной степени содержащееся тремя Божественными Ипостасями. Она отождествляется с Божественными энергиями или действиями, присущими Божественной природе и являемыми в творении через духовную красоту человека и эстетическую красоту мира.

Красота Божественной природы является в Боговоплощении. Бог Сын становится человеком Иисусом Христом и Своей жизнью, смертью, воскресением и вознесением оставляет нравственный образ, который также характеризуется красотой. Красота нравственного образа Христа возводит к Божественной красоте.

Под красотой мира свт. Василий понимает, с одной стороны, конечные цели, ради которых мир был сотворен и которые вполне открыты только Творцу; с другой стороны, – эстетически воспринимаемое устройство

сотворенного мира, которое трактуется им как чувственно воспринимаемый «текст», посредством коего человек совершает мистическое восхождение к непосредственному созерцанию Божественной красоты. Духовная красота в понимании свт. Василия есть приобретенная человеком добродетель (*ἀρετή*), которая является следствием богообщения и в то же время отражением в человеке как образе Божиим Его красоты и которая проявляется во взаимоотношении людей в церковной общине.

Сопоставляя использование свт. Василием понятия Божественной красоты в догматическом богословии с предшественниками, диссертант заключает, что его своеобразие вытекает из его учения о Святой Троице. Понимая красоту как природный атрибут, в равной степени принадлежащий трем Божественным Ипостасям, он снимает кажущееся противоречие идей, имевшее место в предшествовавшей патристике и выражавшееся в сосуществовании двух преемственных линий, осуществляя тем самым их синтез. Если первыми в этом намерении были сщмч. Мефодий и Дидим, понимавшие красоту как качество и Бога Отца, и Логоса, то свт. Василий, развивая эту объединительную интенцию, довел ее до безупречной и стройной схемы, опиравшейся на Никейское исповедание.

Диссертант делает вывод, что исторический вклад свт. Василия в догматическое использование понятия красоты сводится к тому, что он первый греческий богослов, кто развивает учение о красоте как Божественной энергии, равно присущей трем Божественным Ипостасям и являемой в творении как один из аспектов самооткровения триединого Бога.

В четвертой главе «**Учение свт. Василия Великого о созерцании Божественной красоты**» диссертант исследует эмпирические основания, поспособствовавшие формированию учения свт. Василия о Божественной красоте, а также его мистические и аскетические аспекты. В рамках анализа показывается, что учение святителя о Божественной красоте имело эмпирическое происхождение и явилось идейно-литературным обобщением духовного опыта автора, связанного, во-первых, с обращением к

евангельскому идеалу в Афинский период, а во-вторых, с умным деланием после начала монашеского образа жизни.

Анализ места красоты в аскетическом учении автора позволяет диссертанту прийти к выводу, что свт. Василий использует понятие как одно из важных средств для выражения учения о достижении христианином духовно-нравственного состояния преображенного Адама, что понимается как постепенное усвоение нравственного образа Иисуса Христа, явленного в Евангелии. Помимо нравственного очищения путь христианина к созерцанию Божественной красоты осуществляется через эстетическое созерцание красоты мира, интроспективное созерцание красоты собственной души и созерцание красоты души в других христианах как членах Тела Христова.

Анализируя использование понятия красоты в мистическом богословии автора, диссертант выявляет, что под созерцанием преображенным Адамом Божественной красоты подразумевается непосредственное общение или взаимодействие человека с Богом посредством Его энергий. Святитель, с одной стороны, подчеркивает принципиальную инаковость этого опыта любому другому человеческому опыту, что проявляется в склонности автора описывать его в отрицательных (апофатических) выражениях, с другой стороны, его эмоциональную интенсивность и участие в нем всех внутренних сил и способностей человека, что проявляется в использовании автором «эротической метафоры». Мистический опыт красоты понимается свт. Василием как частный эмпирический аспект присутствия и активной деятельности Святого Духа в Церкви как Теле Христовом.

Обобщая произведенный анализ, диссертант делает вывод, что использование свт. Василием понятия красоты следует охарактеризовать как масштабный синтез предшествовавших античной и патристической традиций. Великий Каппадокиец впервые в истории патристики демонстрирует системное использование понятия красоты как универсального средства для выражения мировоззрения как когерентного учения о Боге, человеке и мире в их взаимосвязи.

Пятая глава **«Влияние учения свт. Василия Великого о Божественной красоте на позднейшую традицию»** предпринимает оценку влияния учения о Божественной красоте свт. Василия на последующую традицию греческой патристики. Диссертант рассматривает использование понятия Божественной красоты у таких греческих Отцов, как свт. Григорий Богослов, свт. Григорий Нисский, автор Макарьевского корпуса, Псевдо-Дионисий Ареопагит, прп. Максим Исповедник, прп. Иоанн Дамаскин, свт. Фотий Константинопольский, прп. Симеон Новый Богослов, свт. Григорий Палама, свт. Марк Эфесский. Исследование показывает, что сравнительно с предшествующими христианскими авторами Великий Каппадокиец существенно разнообразил догматическое и мистическое использование понятия красоты. Он разработал сложную «мировоззренческую матрицу» – своего рода богословскую систему координат, в рамках которой предложил понимать Божественную красоту. Эта матрица, состоящая из 18 мировоззренческих компонентов, была воспринята последующими греческими Отцами. Каждый из рассмотренных авторов, используя понятие красоты в догматике и мистике, опускал некоторые из компонентов, актуализируя другие. Тем не менее, характер использования ими понятия красоты свидетельствует о каппадокийском происхождении. Среди Великих Каппадокийцев создателем этой «матрицы» явился никто иной как свт. Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются общие выводы по диссертации.

В разделе **Список сокращения и условных обозначений** расшифровываются сокращенные формы имен древних авторов, на сочинения которых имеются ссылки в диссертации, сокращенные формы некоторых издательских серий или изданий, которые упоминаются в исследовании неоднократно, и, наконец, некоторые иные часто встречающиеся в тексте сокращения.

В разделе **Список литературы** содержится перечень использованных в диссертации источников (основных и дополнительных) и вторичной литературы.

В **Приложении** представлены следующие данные. Во-первых, статистическая информация об использовании понятия Божественной красоты в ранней патристике II–IV вв. (до свт. Василия), в сочинениях самого свт. Василия Великого, в сочинениях свт. Григория Нисского и в последующей греческой патристике. Во-вторых, ключевые даты в жизни свт. Василия Великого. В-третьих, фрагменты из сочинений свт. Василия, содержащие понятие Божественной красоты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования учения о красоте в богословии свт. Василия Великого были затронуты различные аспекты этого сложного и многогранного вопроса.

В рамках анализа истоков учения Великого Каппадокийца о красоте в предшествовавшей интеллектуальной традиции установлено, что таковых было три: античная философия, Священное Писание и ранняя патристика. Выявлено, что в Античности постановку проблемы красоты впервые осуществляет Платон. Он же разрабатывает философскую категорию, включающую различные понятия красоты, в том числе теологическое понятие красоты. Определено, что последующий платонизм усваивает платоновскую категорию красоты, в том числе теологическое понятие красоты. Далее, при проверке гипотезы о библейских истоках учения свт. Василия о Божественной красоте установлено, что в Масоретском тексте имеются различные термины, обозначающие различные понятия, так или иначе перекликающиеся с семантическим полем красоты, но не образующие единой категории. В Танахе имеется мистическое понятие Божественной красоты, которое выражается различными терминами, перекликается с понятиями Божественного света и славы и понимается древними евреями скорее как Божественное *великолепие*

или *величие*, чем в собственном смысле как красота. Уже в Танахе присутствуют многие моменты в осмыслении Божественного великолепия, которые позднее отразятся в патристическом учении о красоте. В Септуагинте некоторые из понятий красоты, которые в Танахе обозначались различными еврейскими терминами, переводятся на регулярной основе с помощью прилагательного *καλός* и существительного *τὸ κάλλος*. В результате в Септуагинте формируется категория красоты, по составу соотносимая с платонической, но в которой не столь явно выражены понятия Божественной красоты и красоты души, поскольку эти понятия обозначаются другими терминами. В Новом Завете прилагательное *καλός* используется таким образом, что возникает понятие, которое, если сопоставлять с платонической категорией красоты, соответствует понятию красоты души. Таким образом, греческий текст Септуагинты и Нового Завета в совокупности содержит категорию красоты, которая по своему составу отличается от платонической не столь выраженным понятием Божественной красоты. Установлено, что ранняя патристика обнаруживает понятие Божественной красоты в рамках аллегорической экзегезы Септуагинты, сближает его с библейскими понятиями Божественного света, Божественной славы и с понятием благодати (*χάρις*). Проверка гипотезы подтвердила, что учение свт. Василия о Божественной красоте имело, помимо платонических, библейские истоки. Далее, проверка гипотезы о патристическом происхождении учения свт. Василия о красоте показала следующее. Ранняя патристика демонстрирует рецепцию платонической категории красоты с точки зрения ее структуры, однако переосмысливает входящие в нее понятия в свете Священного Писания. Частным примером является переосмысление понятия Божественной красоты. К IV в. в патристике имеют место попытки догматически осмыслить это понятие. Во II в. намечаются две преемственные линии в его осмыслении: одна понимает красоту как атрибут Бога Отца (см. Иустин Мученик, Афинагор, Минуций Феликс), другая – как атрибут Логоса (см. мч. Аполлоний, сщмч. Ириней Лионский). В III в. Климент

Александрийский относит красоту и к Сыну, и к Отцу, а Тертуллиан и Ориген осмысливают ее как качество Логоса, которое присуще Ему от вечности. После Оригена в греческой патристике, с одной стороны, превалирует тенденция понимать красоту как качество Логоса (свт. Григорий Неокесарийский, Евсевий Кесарийский, Дидим Александрийский), а с другой стороны, наблюдаются попытки видеть в ней общее качество Отца и Сына (сщмч. Мефодий Олимпийский, Дидим). Установлено, что догматическое и аскетико-мистическое использование понятия красоты разными авторами спорадически обнаруживает мотивы, которые позднее воспримет и обобщит свт. Василий, в частности: отождествление красоты с понятиями света, славы и блага; использование понятия для описания эсхатологического состояния праведников; постулирование возможности человека мистически созерцать Божественную красоту в пределах земной жизни и некоторые другие.

В рамках идеографического анализа категории красоты в сочинениях свт. Василия выявлено, что у него категория красоты по составу идентична платонической и патристической. Установлено, что основным понятием для обозначения красоты у него является термин *τὸ κάλλος*, как до него было обнаружено только у Оригена. Лингво-семантический анализ выявил, что понятие Божественной красоты во всех случаях используется в составе метафоры созерцания в качестве одного из десяти семантических компонентов. Метафора созерцания изображает человека, который мистически созерцает Бога и испытывает при этом яркие эмоции.

Проведенный анализ понятия красоты в догматическом учении свт. Василия о Боге выявил следующее. Святитель понимает красоту как атрибут Божественной природы, в равной степени присущий Отцу, Сыну и Святому Духу, отождествляемый с Божественной энергией, являемый в Боговоплощении и земной жизни Иисуса Христа. Иными словами, для него Божественная красота есть познаваемая человеком Божественная энергия. Как атрибут природы красота семантически сближается с другими атрибутами, такими как свет, благо и слава. В трактатах «О Святом Духе» и «О крещении»

святитель разрабатывает учение, что Божественная красота является в нравственном образе Иисуса Христа, созерцание которого даруется при посредничестве Святого Духа и который возводит к безобразному (апофатическому) созерцанию Отца. Установлена связь с понятием Божественной красоты других понятий, входящих в категорию красоты: красоту мира и внутреннюю красоту человека (красоту души) святитель понимает как отражение Божественной красоты. Сравнительно с ранней патристикой святитель в догматическом использовании понятия осуществляет синтез тех представлений, что были в патристике до него.

Анализ использования понятия красоты в мистическом богословии свт. Василия выявил, что понятие Божественной красоты имеет опытное происхождение, является литературной обработкой духовного опыта автора. В аскетическом контексте он применяет его для обозначения духовно-нравственного состояния христианского совершенства, которое осмысливается как восстановление состояния первозданного Адама, какое тот имел до грехопадения, и в то же время как залог эсхатологического состояния, какое праведники будут иметь в вечности после всеобщего воскресения. Возвращение ветхому (падшему, страстному) человеку возможности созерцать Божественную красоту святитель основывает на Домостроительстве Сына, т. е. на земном служении Иисуса Христа. Путем к мистическому созерцанию является внутреннее очищение от страстей и стяжание добродетелей (аскетика), естественное созерцание мира, посредством которого познается Творец (эстетика), созерцание собственной души как сотворенной по образу Божию (интроспективная психология) и душ других христиан в Церкви как Теле Христовом (экклесиология). Мистическое созерцание Божественной красоты осуществляется в присутствии и при посредничестве Святого Духа. Святитель заявляет о возможности человека в пределах земной жизни пережить этот опыт. При его описании он подчеркивает его безобразный, апофатический характер, а также его эмоциональную интенсивность, описываемую им с помощью «эротической»

метафоры. Он осмысляет этот опыт как обожение, которое понимает как общение, единение человека с Богом. Установлено, что, как и в области догматики, в области аскетического и мистического богословия свт. Василий осуществляет синтез представлений предшествовавшей патристической традиции. Впервые в истории патристики он использует понятие красоты как универсальное средство для выражения мировоззрения. Анализ выявил 18 мировоззренческих компонентов (или мотивов), с которыми он регулярно соотносит красоту: шесть из области догматики и двенадцать из области аскетики и мистики. Сделан вывод о том, что он разрабатывает мировоззренческую матрицу для понимания красоты, которая включает различные области мировоззрения (догматика, протология, христология и Боговоплощение, аскетика, эстетика, психология, экклезиология, Богопознание, пневматология, обожение, эсхатология, ангелология).

Анализ влияния свт. Василия на последующую литературно-богословскую традицию патристики показал, что греческие Отцы вслед за свт. Василием используют красоту как универсально-мировоззренческое средство, демонстрируя рецепцию разработанной им мировоззренческой матрицы. Своеобразие отдельных авторов проявляется в том, что они, в зависимости от личных предпочтений или стоящих перед ними задач, могут опускать отдельные мировоззренческие компоненты. Сделан вывод о том, что учение свт. Василия о красоте имело на позднейших авторов греческой патристики влияние либо непосредственное (на автора Макарьевского корпуса, свт. Григория Нисского и свт. Григория Паламу), либо опосредованное свт. Григорием Нисским (на Ареопагита, прп. Максима, прп. Иоанна Дамаскина, свт. Фотия, прп. Симеона, свт. Марка). В отношении свт. Григория Богослова сделан вывод, что использование им понятия Божественной красоты не отражает прямой зависимости от свт. Василия.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Публикации в журналах, включенных в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата теологии (по состоянию на 12.10.2023 года):

1. Овчаренко, А. В., диак. Апофатическое понятие Божественной красоты у свт. Василия Великого и в последующей греческой патристике / диакон А. Овчаренко // Христианское чтение. – 2024. – № 3. – С. 54–67.

2. Овчаренко, А. В., диак. Использование понятия красоты при описании мистического опыта в греческой патристике / диакон А. Овчаренко // Сретенское слово. – 2024. – № 2(10). – С. 44–78.

3. Овчаренко, А. В., диак. Концепт божественной красоты в произведениях свт. Василия Великого : семантическая функция и происхождение / диакон А. Овчаренко // Вестник ПСТГУ. Серия I : Богословие. Философия. Религиоведение. – 2023. – Вып. 105. – С. 26–45.

4. Овчаренко, А. В., диак. Божественная красота в творениях свт. Василия Великого в связи с его учением о богопознании / диакон А. Овчаренко // Христианское чтение. – 2022. – № 2. – С. 14–24.

5. Овчаренко, А. В., диак. Красота после эстетики : Становление новой богословской категории / диакон А. В. Овчаренко // Вестник ПСТГУ. Серия I : Богословие. Философия. Религиоведение. – 2018. – Вып. 75. – С. 48–64.

Публикации в прочих рецензируемых изданиях, индексируемых в базах Scopus или РИНЦ

6. Овчаренко, А. В., диак. Субъект созерцания Божественной красоты в произведениях святителя Василия Великого / диакон А. Овчаренко // Христианство на Ближнем Востоке. – 2023. – Т. 7. № 1. – С. 282–320. (Статья проиндексирована в международной базе данных Scopus)

7. Овчаренко, А. В., диак. Красота человеческой души как концепция античной философии / диакон А. Овчаренко // Сретенское слово. – 2022. – № 3. – С. 30–45.
8. Овчаренко, А. В., диак. Эсхатологическое прочтение Пс. 114. 7–9 свт. Василием Великим : метафора оптического восприятия божественной красоты / диакон А. В. Овчаренко // XXXII Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета : Материалы. – Москва : Издательство ПСТГУ, 2022. – С. 13–16.
9. Овчаренко, А. В., диак. Свт. Василий и вопрос красоты / диакон А. Овчаренко // Государство, Церковь, право : конституционно-правовые и богословские проблемы : Материалы XIII Международной научной конференции, посвященной 250-летию воссоединения Белоруссии и России, Москва, 28 апреля 2022 г. / Под ред. С. Н. Бабурина и А. М. Осавелюка. – Москва : Книжный мир, 2022. – С. 62–72.
10. Овчаренко, А. В., диак. Вопрос о созерцании божественной красоты по творениям свт. Василия Великого / диакон А. Овчаренко // Научные труды Самарской духовной семинарии : сб. статей. Вып. IX–X. – Самара : ООО «Слово», 2021. – С. 240–251.

Подписано в печать с готовых
диапозитивов 10.04.2023
Заказ № 109584 Тираж 100 экз.
Объем 1,5 п.л. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура Newton C
Отпечатано: ООО «Впечатать»
г. Москва, 2й Колобовский пер., д. 9/2 стр.1
Телефон: 8(495)648-61-59
www.vp24.ru